Вечерняя Москва-Москва

28 ФЕВ 1933

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

С. ГЕХТ

ЭТО БЫЛ СТРАННЫЙ СПЕКТАКЛЬ. Он поражал своими неслыханными размерами. Разнообразные театральные огни (тут были мягкие лампы софитов и разверстый свет рампы, и мятущие струи прожекторов) освещали всю жизнь всего мира. В один вечер на сцену вышли Россия императоров и крепостников, Русь буржуазии, вышли мир капитала, СССР — отечество трудящихся. Россию поражали реформы, бродили безземельные крестьяне, кутили помещики, высовывались черные рыла демократических выскочек. Матросы поворачивали дула своих корабельных орудий на столицу министров-капиталистов, нацеливали на страны белогвардейцы, готовили заговор против советского полпредства, и директор-коммунист, истекая потом, собирал по частям новый автомобильный завод.

Время действия растянулось на два века. Через спектакль прошло несколько поколений. Этот невиданный спектакль ставили режиссеры: Станиславский, Немирович, Эфроимович, Мейерхольд, Таиров, Попов, Акимов, Плахов. Играли актеры: Москвин, Леонидов, Знаменский, Топорков, Баталов, Шевченко, Зуева, Готовцев, Берсенев, Бромлей, Подгорный, Яблочкина, Радин, Гурчанинова, Айдаров, Власов, Куза, Горюнов, Вагрина, Агейченков, Бабанова, Штраух, Коонен, Александров, Райх, Мартинсон, Боголюбов. Этот спектакль смотрели двенадцать тысяч зрителей. Среди них были: рабочие-металлисты, работницы-текстильщицы, конюхи и бригадиры из колхозов, райкомовцы, приехавшие в Москву из области, инженеры, врачи, служащие, студенты. Одни видели, как вздымался старинный лазоревый занавес, отслуживший более века, за окнами театра залязгала бесконечным трамвайным звоном Театральная площадь, и шелкали стрелки на многих пересечениях. Перед другими весьма раздвигался темно-зеленый полог с изображением чайки. Третьи вообще не видели занавеса, сцена была обнажена, как скелет, театральная кухня сплошь оказалась пропущенной сквозь иже-лучи. Что же касается пейзажа, которому полагается быть за окнами, то это одновременно была и улица Герцена, и улица Горького, и горбатый Камергерский переулок, и шпиль, как зрительный, Арбат, и нефальцированная стрела Тверского бульвара, и площадь Свердлова, которая поворачивалась то правой, то левой стороной.

Действие началось в доме боярина Меншикова. Из Голландии недавно вернулся царь Петр I. Он хочет подтянуть Россию под европейский ранжир. Он строит свою столицу. Через два века он вмолотился в Гетовцеве. Конечно таким мы себе и представляли Петра, но только внешне. Вот так он шагал, полный энергии и жестокости, неуклюжий и похотливый. Почему он одинаково так нестерпимо? Ряд на такой истории мог столь чувствительно и сильно перекорежить Россию, как это сделал царь-реформатор. Потом мы искали на сцене народ и не находили его. Много средств нашлось для обрисовки власти у одного из авторов и режиссеров этого огромного спектакля и мало, мало для народа, который строил, голодал, умирал и бунтовал. Вспоминаю: я забыл упомянуть, что для написания этой великой пьесы объединились восемь авторов, разные по талантам: тут было два Толстых, один Лев и другой Алексей, тут и Гоголев подружился Булгаков, и перо О'Нейля сплелось с пером Олеши, и реплики, сочиненные Лавренёвым, сменялись с репликами Погодина. Как говорится, дирекция, пожалей затрат...

Когда на сцену выходили Петр-Гетовцев и Екатерина-Бромлей, театр обретал и звук, и цвет, и запах. Но массовые сцены!.. Тут все растворял театр, унылые статисты мало напоминали народ и личности действовали в безвоздушной трубе, и сцена превращалась в изолятор. Это — порок не только для автора-режиссера-маркизеза, но и для просто сильного автора-режиссера.

Но действие идет, оно развивается, выстроен на Неве флот, и мельчает северная природа. Давно встлели коеги крадтура, а правнук Николай Палкин унаследовал от предка лишь одну тупую жевлость. Трупы декабристов убраны с виселиц. Дворянин-вольнодумец гниют на сибирской каторге, помещики властвуют в стране, а закрепощенные крестьяне — по сто рублей ассигнациями за штуку — мрут, как мухи, истощенные непосильной работой. Когда раздвинулся темно-зеленый полог с изображением чайки, то стали и предстали, праздные праздные и лучшие русские помещики. Ходил с арапником Нездрев-Москвин, копошился в темном углу Плюшкин-Леонидов, мрачно бубнил Собакевич-Баталов, и нее малоумную чепуху Манилов-Кедров. Отличные актеры! Но вина вина, что Гоголь остался нераскрытым, мы развернули прекрасные, живые иллюстрации к Гоголю. Пусть здание театра оказалось ниже здания, воздвигнутого Гоголем, но отдельные части были сложены великолепно. У Москвина — богатейший запас юмизма. Он, пожалуй, не имеет в этой области равных себе на нашей сцене. Говорит, Москвин действительно великолепен и роли Ноздрева, но он построил его на голой технике. При этом, забывают, что такая высокая техника перестает быть только техникой, она становоть чувственна.

Жуля: едет по грязной, варварской, фантастической России. Едет, едет тройка, оеоеи бубенцами, пока не в'ехает в восемнадцатые годы прошлого века. Всем известно: царь-освободитель освободил русских крестьян не только от помещиков, но и от земли. Вот они случается, безземельные курные, в ворота помещичьего дома, где целый день жрут, жрут и правдо слюнятся по углам. А у кужиков так мало земли, что и курочка некуда выпустить. Своевенница спиртала их на кухне. Отсюда им хорошо видна жизнь врага. С каким презрением смотрят они на эту жизнь, лишенную труда! Радин и Яблочкина играют помещиков пиччтожных и жестоких. Особой отличной игрой помогают они курянам разглядеть всю бессмыслицу прошлого.

Дети курян сидят среди прочих в зале. Они облокотились о бархатные ребрыла кресел. Они приехали на первый с'езд колхозников. Дети курян с болью смотрят на великое горе своих отцов и смеются торжествующим смехом. Пятнадцать лет назад они выгнали свою барыню из ее курского поместья. Но барыня не захотела сдаваться. У барыни были друзья-офицеры. Офицеры Балтийского флота решили взорвать революционное судно «Заря» с ее большевистской командой и судовым комитетом, который начал отказывать подчиняться Временному правительству. У барыни были друзья во Временном правительстве, но не было друзей среди команды «Зари». Матрос Годун и Пугарь были друзьями ее курских мужичков. Они прикончили заговор офицеров, судно было спасено и пошло в Петроград делать Октябрь. Крейсер на сцене. Вернее, отдельные его гнезда, сооруженные Акимовым.

Как вырос этот художник! Начало сегодня сейчас его ранние лепные миниатюры, причиняющие публике много неудобства. Зритель, сидящий сбоку, не в силах разглядеть, что же делается в этих клеточках, на которых Акимов разбил обширную сцену. Я сидел на боковом месте и для меня почти оставалось тайной, что же там делали Багрина и Русланов.

Матрос на сцене! Это нестра волнует, но сухонат Куза, играющий Годуна. Он слишком интеллигентен, этот матрос. Зритель мало верит в его неуклюжесть. Она выглядит напыщенной и неестественной. И сколько схемы оказалось у одного из авторов описываемого нами спектакля, у Вирмса Лавренева. Все фигуры упрощены, все поступки сведены, пахнет детством советского театра. А вот на этой же сцене можно увидеть блестящего Шукина, играющего Булычева, и талантливого Кольцова, и старинного мастера Бакова, концертно исполняющих пьесу о последних днях русского купечества, а Егора Булычева и других.

Уже давно победила революция, но пламенная актриса Гончарова-Райх ведет список благодеяний и преступлений советской власти. Сцена, она все еще колеблется. Но, столкнувшись с эмигрантами (очень убедителен, хоть и чрезмерно эксцентричен Мариинсон), она окончательно отшатывается от прошлого. Уже, ее дрожь не находит сочувствия в зрительном зале, так как недолюбы героини заполнили ее своими сомнениями. Ведь в этот же самый вечер зритель видит, как мужественно и прозорливо воюет на лучшее будущее, на лучшее ближайшее будущее коммунистов-директор Гай. В числе немногих Погодину и Антонову удалось выкрепостить образ большевика от схемы и фальши. Волнуясь и негодуя, следит зритель за судьбой горячего Гая. Ему преграждает дорогу чиновник с наробоплетом, ему надоедает инженерная жена, а ее прекрасная играет отличная Бабанова, но сила правды побеждает. Она побеждала и жизни, она побеждает и на сцене с помощью Попова, с помощью Агейченкова, Штрауха и Бабановой.

Поза Гай строит социализм, плачет петр. Он сжал в бешенстве кулаки. Он учится лучше всех в университете, на ему не дают диплома, потому что он петр. Он приютил белую женщину, оскорбленную и обманутую белыми, но она же его ненавидит, потому что он черный. Мир национальной и расовой ограниченности ополчился на петра. Сквозь условные фары условных автомобилей. Мчится неидущий условный поезд, и условны жесты Коонен. Мир внешний теснит мир внутренний — такова школа Таирова. Плачет петр. Спектакль окончен.

... Что же это в самом деле такое? Уже я видел этот удивительный спектакль?

Я дал здесь рецензию — к сожалению, неполную — на московский театральный день. На-днях я остановился у афишного столба. Имена спектаклей были заключены в клетки. Вот как это выглядело:

СЕГОДНЯ:

МХАТ I	МХТ II	Малый театр	Театр им. Вахтангова	Московск. Камерный театр	Театр им. Мейерхольда	Театр революции
„Мертвые души". (Все билеты проданы).	„Петр I". (Все билеты проданы).	„Плоды просвещения". (Все билеты проданы).	„Разлом". (Все билеты проданы).	„Негр". (Все билеты проданы).	„Список благодеяний". (Все билеты проданы).	„Мой друг". (Все билеты проданы).

Афиша наводила на размышления. Я решил написать на нее рецензию. Думаю, что это не лишено смысла.